

Он молча смотрел на меня. Долго, не отрываясь. Затем он резко нахмурился, а голос, глухой и низкий, разрезал тишину:

— Где ты был прошлой ночью?

Сердце пропустило удар, а затем пустилось вскачь, гулко отдаваясь в ушах.

Я до боли впился ногтями в ладони, до огненного жжения, следуя линиям на коже.

А затем я солгал.

— Простой ночью... Когда ту женщину лишили меча, я бросился в погоню, чтобы вернуть его. А потом... ну, встретил старого приятеля. Мы разговорились, засиделись до рассвета. Вот только сейчас и вернулся.

Я предательски вздрогнул.

Я едва не перешёл на шёпот, не в силах вынести тяжести его взгляда. Казалось, он видит меня насквозь. Я занервничал; ладони вспотели, и соль начала разъедать раны на пальцах под бинтами.

Мо Чэ молчал. Наконец он взял мою искалеченную руку, внимательно осмотрел её и повёл меня к дому.

Хватка на моём запястье была железной.

Чувствуя вину, я не смел возражать и покорно шёл следом.

Травы и кусты по обе стороны тропы едва заметно колыхались. Солнечные блики пробивались сквозь листву, рассыпаясь искрами по земле, а в тенях шуршали потревоженные нашими шагами насекомые.

Мы оказались в той же комнате. Он сел напротив, но на этот раз молчание хранил я.

Мо Чэ с суровым видом слой за слоем снимал аккуратную повязку. Он долго разглядывал мою руку — распухшую, багровую, хоть и выглядевшую чуть лучше, чем прежде. Когда он едва коснулся её, смещённая кость отозвалась такой вспышкой боли, что я невольно вскрикнул.

— Больно? — коротко бросил он.

Я кивнул.

Он тут же стал предельно осторожным. Он нахмурился, обмыл рану тёплой водой, принёс мазь и чистые бинты, принимаясь за перевязку.

Когда он закончил, мы снова замерли друг напротив друга. О безмятежности или былом согласии не могло быть и речи.

Заметив его изнурённый вид, я попытался разрядить обстановку. Выдавлив глупую улыбку, я спросил:

— Ха-ха... Вид у тебя неважный. Неужели всю ночь потратил на поиски меча?

Он поднял взгляд и медленно качнул головой.

Я неловко почесал затылок, стараясь не смотреть ему в лицо.

— Не понимаю. Те демоны прорвали ваш барьер и унесли священный клинок. Если ты не искал его, то что же ты делал? Искал меня?

— Да, — серьёзно ответил он. — Тебя.

Я осёкся.

Слова застряли в горле. Его мягкий, пронзительный тон сбивал с толку, но разум уже бил в набат.

В душе словно лопнула натянутая струна. Чувства, желания, порывы — всё это хлынуло наружу, и в тот миг я осознал, что теряю контроль над собой. Я предательски заволновался, впуская в себя мирскую суету, со всеми её радостями и печальями.

Чтобы заглушить эту пугающую дрожь, я перевёл всё в шутку.

— Да брось, — я отмахнулся, щурясь. — Хватит этих красивых речей. Ты сам говорил, что это сокровище вашей школы. А я — лишь чужак. С чего бы мне стоить больше, чем артефакт?

— Я...

— Ладно, ладно, я ценю твою заботу, — я перебил его, вкладывая Хэнчэнь ему в руки. — Вот твой меч. Кажется, демоническая сила наложила на него печать, и он немного... барахлит. Говорят, скоро пройдёт. Слушай, я проголодался, пойду посмотрю, что там на кухне.

Я уже собирался встать, но Мо Чэ с силой перехватил моё запястье. Он хотел что-то сказать, но

в этот момент дверь с грохотом распахнулась. В дом ворвался раскрасневшийся здоровяк и, задыхаясь, крикнул:

— Первый глава! Беда! Цинь Хуань... этот малец словно с цепи сорвался! Требует, чтобы его пустили вниз, к подножию! Мы его едва удерживаем!

Мо Чэ мгновенно помрачнел, и он бросился вон.

Цинь Хуань?

В памяти всплыл его истерзанный вид прошлой ночью. Мне стало больно, и я поспешил вслед за ними.

Ещё не дойдя до порога, я услышал исступлённый, звериный вопль. Ворвавшись в комнату, я замер: на кровати бился человек, с ног до головы замотанный в алые бинты.

Этот красный цвет не был цветом ткани. Кровь непрерывным потоком сочилась сквозь повязки, окрашивая их в багрянец, и медленно стекала по рукам на пол, не желая сворачиваться.

Мо Чэ и ещё несколько мужчин навалились на него, пытаясь удержать. Ху Лай уже готовил иглы для прижигания и акупунктуры. Но изувеченный Цинь Хуань, словно опалённый заживо зверь, яростно отталкивал любого, кто приближался.

— Смерть... дайте мне умереть! Убейте меня! Слышите?! Дайте мне сдохнуть! — хрипел он, захлёбываясь ненавистью и болью.

У дверей собрались женщины. Они вздыхали, вытирая слёзы, и в их шёпоте я уловил страшную правду.

— Сегодня на рассвете мой ходил за телами... Говорит, весь двор в крови. Вернулся бледный как полотно, сроду такой жути не видел. Кругом обглоданные куски плоти, кровь вперемешку с костями — и не разобрать, кто где был. Пришлось сжигать прямо там...

— Бедная семья. Цинь Хуань с сестрой с малых лет друг за дружку держались. А теперь и она... так страшно...

— Говорят, те твари даже племянника его не пощадили. Живьём кожу содрали, сердце вырвали... А малец на всё это смотрел...

— Проклятые твари!

— Жалко парня. Такой добрый был, за что ему такие муки...

Усмиренный иглами, Цинь Хуань постепенно затих, погружаясь в забытие — возможно, не такое горькое, как явь.

Люди начали расходиться. В комнате остались только Ху Лай, Мо Чэ и я. Когда лекарь закончил возиться с инструментами, я перехватил его за руку и тихо спросил:

— Как он?

Ху Лай лишь сокрушённо качнул головой.

— Те две раны на плечах и так едва не отправили его к праотцам, а он ещё и вырывается, — он вздохнул, оглянувшись. — Я ввёл его в беспамятство, несколько часов пролежит спокойно.

Не успел я расспросить подробнее, как прибежали люди и позвали лекаря с главой — возникли проблемы с восстановлением защитного барьера.

— Я останусь с ним, — вызвался я.

Всё равно я здесь посторонний и пользы от меня немного, а присмотреть за раненым я смогу.

Ху Лай кивнул и заспешил прочь. Мо Чэ задержал на мне долгий, тяжёлый взгляд.

— Иди, я справлюсь, — я ободряюще коснулся своей груди.

Когда тишина окончательно воцарилась в комнате, я сел у изголовья. Косой луч света падал на пол, высвечивая кружащую в воздухе пыль. В нос ударил густой, удушливый запах трав, смешанный с металлическим ароматом свежей крови.

Цинь Хуань лежал неподвижно. Ввалившиеся глаза были закрыты, бледные, растрескавшиеся губы больше не обнажали весёлых тигриных зубов. На исхудалом лице застыли дорожки слёз. Его плечи, пропитанные кровью, время от времени мелко вздрагивали.

Даже во сне его пальцы продолжали судорожно сжиматься и разжиматься.

Он что-то невнятно шептал. Слишком тихо, чтобы разобрать слова.

Может, он молил о пощаде? Или звал сестру?

Я не мог до конца понять его чувств.

Бессмертные редко знают истинную привязанность, в то время как смертные вечно запутаны в сетях своих страстей.

В Небесном царстве говорят: «Если бы Небеса обладали чувствами, они бы состарились»

Истинная мудрость — в умеренной привязанности. Те же, кто погружается в чувства слишком глубоко, падают в бездну, из которой нет возврата. Смертным отпущен век, и с каждым новым кругом перерождений их былые обиды и любовь рассеиваются как дым.

Нам же это недоступно. Мы живём вечно, и мало кто из небожителей готов променять миллионы лет покоя на несколько десятилетий радостей и скорбей, за которыми последует вечность боли.

Одни сожалеют о своём выборе, другие упорствуют в заблуждениях.

Я этого не понимал.

И, честно говоря, не хотел понимать.

Спустя долгое время Цинь Хуань пришёл в себя. Открыв глаза, он увидел меня.

Прежде чем я успел среагировать, он мертвой хваткой вцепился в мой ворот. Его глаза были залиты кровью, взгляд — безумный и отчаянный.

— Сяо Байлянь... Ты ведь бессмертный, так?! Я всё слышал! Ты — бог, ты можешь воскрешать мертвых, верно?! Умоляю, скажи, что это правда!

Я замер, ошеломлённый его напором. Я понимал, чего он ждёт, но мог лишь горько покачать головой.

— Я не могу возвращать мертвых...

— Но ты же бессмертный! — вскричал он, тряся меня за плечи ранеными руками. — Молю тебя! Верни мне сестру и Сяо Луна! Я буду твоим рабом до конца дней, в этой жизни, в следующей — вечно! Только верни их!

Он попытался вскочить, чтобы упасть мне в ноги и биться головой о пол.

Я удержал его, стараясь сохранить голос ровным.

— Цинь Хуань, успокойся! Прошу тебя! Я правда не в силах этого сделать!

Он зарыдал, впиваясь пальцами в мои предплечья.

— Почему?! Почему ты не хочешь помочь мне?! Разве бессмертные не всемогущи? Почему ты просто смотришь, как я страдаю?!

Всемогущи? Какая злая ирония.

Опустив голову, я протянул ему свою забинтованную руку.

— Не в том дело, что я не хочу. Спустившись в мир людей, я потерял все свои силы. Я даже собственные раны исцелить не могу, как же я помогу тебе?

Но даже если бы магия вернулась... я знал горькую правду. Оживлять тех, чей срок истёк — значит идти против Неба.

Небесные законы суровы: мы не имеем права вмешиваться в людские судьбы. Даже Старший бессмертный не властен над Колесом Сансары. Жизнь, старость, болезни и смерть предначертаны свыше, и противиться этому нельзя.

Я и сам ненавижу это холодное бесстрашие, но не мог изменить в нём ни йоты. Если бы я не угодил случайно в Зеркало Реинкарнации, то сейчас и сам был бы лишь послушной песчинкой в вечном потоке.

— Ты лжёшь мне... — Цинь Хуань прижался к моей груди, содрогаясь в рыданиях. Голос его тонул в хрипе. — Скажи, что ты лжёшь... пожалуйста...

— Прости.

Этот едва слышный ответ прозвучал как хруст ломаемых крыльев бабочки — мягко, но беспощадно.

Я обнял его, осторожно поглаживая по спине. Новые бинты снова окрасились багрянцем. Это было невыносимо.

С того дня Цинь Хуань превратился в тень. Он часами лежал, уставившись в потолок пустым, немигающим взглядом.

Он перестал реагировать на мир. словно прислушивался к чему-то далёкому, погружённый в вечные сумерки своей души. Он стал живой марионеткой: дух мёртв, лишь плоть всё ещё

бродила среди живых.

Но и плоть начала угасать.

Он отказывался от еды, явно решив закончить этот путь как можно скорее.

Люди смотрели, как он тает на глазах, но были бессильны. Вливали лекарства силой, пытались кормить — Ху Лай испробовал всё.

Но для того, кто всем сердцем жаждет смерти, любое спасение — лишь новая пытка.

В глубине его души застыл лед, который не могла растопить никакая забота.

Нахмурившись, я схватил его за ворот рубахи. Его взгляд не сфокусировался на мне.

В его зрачках уже застыла предсмертная муть.

Мо Чэ положил руку мне на плечо и печально покачал головой.

Ху Лай тоже опустил руки.

Но я не собирался сдаваться.

— Цинь Хуань, пойдём. Я покажу тебе кое-что.

Я поднял его под локоть. Изнурённый, он едва держался на ногах и не нашёл в себе сил даже на протест.

Взмах ветра — и мгновение спустя мы оказались на месте.

Маленький домик. Старые парные надписи на воротах всё ещё выглядели как новые.

Цинь Хуань резко дернулся.

Я толкнул ветхую калитку. Внутри царило запустение.

Каменный жернов в центре двора занесло песком и пылью. Дверь в жилую комнату была приоткрыта, словно хозяева вышли на минуту и вот-вот вернуться. Всё как прежде.

Если бы не огромное чёрно-красное пятно на земле.

Прах его сестры и Сяо Луна давно развеял ветер. Единственное, что напоминало о них — эта запекшаяся кровь.

Никто не смел представить, какая бездна боли разверзлась в груди Цинь Хуаня, когда он во второй раз увидел место гибели родных. Привести его сюда было жестоко.

Но порой только боль, встреченная лицом к лицу, может сделать человека сильнее.

— Посмотри на эту кровь на земле. Их души всё ещё где-то здесь. Я верю, что твоя сестра и малец хотели бы что-то сказать тебе.

На самом деле там не было ничего. Пустота.

Взгляд Цинь Хуаня начал проясняться. Он сделал неверный, шатающийся шаг к чёрному пятну.

Протянул руку. Его колотило.

Слёзы хлынули с новой силой. Капля за каплей они падали в сухую пыль, словно пытаясь напоить засохшую кровь, вернуть ей жизнь — но тщетно.

Упав на колени, Цинь Хуань раз за разом касался ладонями пропитанной смертью земли. Внезапно в примятой траве он что-то нашёл — забытую, запылённую сладость, сушёный фрукт в сахаре. Он положил его на ладонь и долго, очень долго на него смотрел.

Ветер усилился, трава зашумела, словно боясь нарушить это страшное молчание.

Я хотел подойти, утешить его, но понял, что слова здесь бессильны. Оставалось только стоять в стороне.

Цинь Хуань приник к земле. Его движения были такими осторожными, будто он боялся разбудить спящих.

Он прижался щекой к чёрной пыли. Плодовая сладость в его руке была раздавлена — так легко сломать улыбку ребёнка.

Сладкая улыбка мертва.

Маленькая рука, тянувшаяся за лакомством, исчезла.

Ещё вчера всё было рядом. Почему сегодня — ничего?

Даже осколка не осталось.

Прежние ласковые взгляды обратились в прах. Чтобы обрести свободу, живым приходится вырывать собственное сердце.

Все знают, что разлука неизбежна. Но никто не хочет в это верить, пока горе не обрушится на голову. Никто не готов к тому, что нити оборвутся так внезапно.

А когда любимые уходят навсегда, те, кто остался, лишь беспомощно замирают в пустоте.

Время неумолимо: оно не даёт шанса исправить ошибки или досказать несказанное.

Множество слов застряли в горле. Обещания, мечты — всё стало пеплом.

Мы не успеваем подготовиться к финалу, а время уже заставляет нас учиться забывать.

Цинь Хуань медленно поднёс к губам раздавленную сладость. Медленно, кусочек за кусочком, он начал жевать её, а затем закрыл глаза.

Я не видел его лица.

Не слышал его голоса.

Не мог коснуться его чувств.

Я не знал: когда новое солнце взойдёт над этим миром и утренняя роса омоет его разбитое сердце, вернётся ли когда-нибудь на его лицо та искренняя, детская улыбка?

Или же всё в подлунном мире — лишь жестокая игра Небес, а мы — только пешки, неспособные изменить предчертанную судьбу?

<http://bllate.org/book/17534/1704124>